

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

---

*К 140-летию со дня основания
Томского государственного университета*

**МУЗЕЕВЕДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
СЕВЕРНОЙ АЗИИ:
ТРУДЫ МУЗЕЕВЕДОВ 1920-х гг.**

Издательство Томского университета
2018

Н.Н. Жуков

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВИЧА КУЗНЕЦОВА

Николай Николаевич Жуков (1884–1938) – уроженец Горного Зерентуя в Забайкалье, где его отец служил управляющим рудником. За отсутствием более точных сведений можно предположить, что он, подобно старшему брату Иннокентию, ставшему впоследствии скульптором, также окончил Читинскую мужскую гимназию и отправился в Петербург для получения высшего образования. Вполне возможно, в Чите он участвовал в ученических кружках самообразования (недаром с немалой долей подробностей рассказывает о таких кружках в своей статье). Известно, что с 1902 г. Н.Н. Жуков участвовал в революционном движении в Петербурге, несколько раз арестовывался, а в 1908–1913 гг. отбывал наказание в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, откуда был отправлен на каторгу в Нерчинск. Выйдя на поселение, он занялся изучением края, сотрудничал в Забайкальском подотделе Приамурского отдела Императорского Русского географического общества и не мог не общаться с А.К. Кузнецовым. Во время Революции 1917 г. Н.Н. Жуков состоял членом Забайкальского областного комитета Партии социалистов-революционеров, входил в Комитет общественной безопасности, а также в Читинский Совет рабочих и солдатских депутатов. В 1920-х гг. был членом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Эсеровское прошлое обернулось в 1930-е гг. арестом и ссылкой в Северной Казахстан, где он и скончался.

Статья об А.К. Кузнецове, написанная в 1929 г., сразу после получения известий о его кончине в Москве, показывает, что ее автор – человек незаурядный, был в курсе всех культурных событий в Забайкалье, владел информацией о состоянии и тенденциях развития музейного дела в стране. В короткий срок Н.Н. Жуков сумел проработать архив Читинского музея, сохранившиеся публикации дореволюционного периода, документы периода Революции 1917 г. и Гражданской войны и собрать исчерпывающую информацию о жизни и трудах А.К. Кузнецова. Добросовестное и точное изложение документальных данных, прежде всего писем, позволило написать очень интересный биографический очерк, в подробностях осветить жизненный путь и музейные занятия А.К. Кузнецова.

А.Д. Дементьев

Настоящая работа служит только слабой попыткой обрисовать многолетнюю, многогранную и ярко-красочную деятельность Алексея Кирилловича, деятельность, в которой революционная работа причудливо переплетается с научной и научная – с культурно-общественной.

Полную же оценку всей деятельности А. К.* может дать только кропотливая работа исследователя в течение многих лет.

В данной работе мы подробнее остановимся только на времени пребывания А. К. на Каре.

О детских и юношеских годах А. К. мы знаем очень мало: в сохранившейся в архиве Читинского музея записной книжке херсонского купца Кирилла Никитича Кузнецова, отца А. К., в которую Кирилл Никитич Кузнецов заносил даты семейных событий и поражавших его явлений природы, мы находим следующую запись: «1845 года, 13 февраля, родился сын Алексей. Крещен 22 февраля протоиереем Кошевым. Восприемниками были купец Константин Соколов и девица Наталья, дочь Акулинина»**.

Из автобиографии самого А. К. мы знаем, что первоначальное образование он получил в уездном училище, по окончании которого он был отведен в московское коммерческое училище, которое и окончил в 1864 году, 19 лет от роду¹. Из аттестата, хранящегося в музее, видно, что А. К. окончил училище по первому разряду и удостоен звания личного почетного гражданина.

По окончании училища А. К. в начале 1865 года поступает в Московскую сельскохозяйственную академию², специализируется у проф[ессора] Стебута по сельскому хозяйству, у Кауфмана и Железнова – по ботанике, у Шрейбера – по культурам³. В бытность свою в академии А. К. увлекается исследовательской работой и лихорадочно работает над диссертацией «Низшие вредители в сельском хозяйстве».

Возможно, что это увлечение повело бы к тому, что из А. К. выработался бы крупный специалист и незаурядный ученый-исследователь в вопросах сельского хозяйства. Но юношеские годы А. К. протекали в атмосфере царской России [18]60-х гг., когда каждого обитателя России на его жизненном пути подстерегали непредвиденные возможности.

---

* Так в тексте, здесь и далее автор часто использует инициалы без фамилии.

** Данные эти подтверждаются метрической выписью Свято-Духовской церкви г. Херсона от 31 мая 1901 г. за № 141, выданной сестре А. К. – М.К. Поппер (прим. авт.).

Реакция, нависшая над Россией, бесцеремонно душила все живое, все независимое; даже стремление к самостоятельному знанию воспринималось жандармами как «деяние, направленное к свержению существовавшего строя».

Но уже среди общего бесправия, среди темной политической ночи зажигаются огни подпольной революционной мысли. В обществе создаются кружки, тьму политической ночи пререзывает выстрел Каракозова, и молодежь и, в частности, студенты Петровской сельскохозяйственной академии втягиваются сначала в область профессиональной, а затем и политической борьбы.

Такова была обстановка, окружавшая молодого студента Кузнецова, но этот молодой студент с головой ушел в исследовательскую работу над «низшими вредителями» в сельском хозяйстве, не замечая «высших вредителей» не только сельского хозяйства, но и всего народного благосостояния в лице самодержавно-бюрократического строя.

Понадобился толчок, чтобы заставить молодого студента свернуть с пути увлечения наукой на тернистый путь революционера.

Толчок явился в лице известного Нечаева.

И А. К. с такой же страстностью и увлечением уходит в революционную работу, как он ранее уходил в науку, и это понятно нам, знавшим А. К.

Алексей Кириллович принадлежал к типу людей, которые ничего не делают наполовину и каждое дело стараются довести до логического конца.

А. К. распространяет подпольную литературу того времени: «Колокол», «Народное дело», «Народную расправу», прокламации, организует кружок второго порядка, составляет шифр для сношений с кружками и т. д.

Наука заброшена, микроскоп покрывается пылью, и всю присущую ему энергию студент Кузнецов направляет на накопление революционных сил.

Заговорщический тип революционного движения – «русский бланкизм», к которому примкнул и на приемах и методах которого воспитывался А. К., оставил в нем глубокие следы и следы эти мы находим на протяжении всей его жизни.

21 ноября 1869 года происходит убийство студента Иванова по подозрению в предательстве.

3 января, 1870 года происходит арест А. К., и его сажают в Петропавловскую крепость⁴.

1 июля 1871 года А. К. приговаривается к 10 годам крепости и в конце 1871 года отправляется как гражданский преступник на Кару⁵.

Начинается новый перелом в жизни А. К. Царское правительство ссылкой заграждает ему путь к продолжению прямой революционной деятельности, но кипучая энергия А. К. ищет приложения своих сил и находит применение этим силам на почве научной и культурно-общественной.

Идя по длинному Сибирскому пути – по Владимирке – этапом и, в качестве гражданского преступника, пользуясь некоторыми льготами, А. К. дорогой ботанизирует и изучает этапную жизнь.

На Каре

27 июля 1873 года А. К. прибывает на Кару, вместе со своим сопроцессником Николаевым. Обстановка, в которой очутился молодой студент Кузнецов, еще не остывший от революционной борьбы, представляла разительный контраст с кипучей жизнью большого шумного университетского города: гнилые тюрьмы, переполненные людьми землянки, голод, холод, грязь, пьянство, разврат, поножовщина.

С жутким любопытством приглядывается студент Кузнецов к новой окружающей его жизни, столь не похожей на обстановку его студенческих годов.

В черновом письме к своей младшей сестре Неониле Кирилловне от 9 октября 1873 года, хранящемся в архиве Читинского музея, А. К. излагает свои первые впечатления о Каре и ее обитателях.

Письмо это содержит описание Кары 70-х годов; приводим его почти полностью:

«Карийские промысла расположены в узкой трещине или щели, идущей от реки Шилки на север. Куда бы вы ни взглянули, везде видите только волнистый, однообразный контур гор, покрытых чахлой растительностью, подымающихся, как стены.

Вдоль этой трущобы живет более 3 тысяч «несчастных» (преступников), а на берегу Шилки находится склад негодных для работы людей, называемый богадельней.

Три промысла: Нижний, Средний и Верхний, раскинуты в этой щели, и каждый из них имеет несколько сот домиков, из которых большая часть такие, что в них «ни стать, ни сесть», а некоторые почти норы. Это дома сс[ыльно]-каторжных разряда испытуемых. Вдоль этой местности протекает незначительная, но бушующая во

время дождей горная речушка Кара, несущая в Шилку мутную от промывки золотоносных песков, нездоровую воду.

Вдоль этой речушки на разрезах копошатся с раннего утра до поздней ночи массы полунагих людей, окруженных частоколом штыков – это испытываемые.

Из боязни кнута, с проклятиями, эти полунагие люди ломом и кайлой разбивают землю, носят пески на золотопромывательную машину для того, чтобы после адского труда над 250 пудами песка, казна получила 1 золотник или, чаще, несколько долей чистого золота.

Справедливо говорит поэт:
Ты достаемся ценой преступлений,
Перед тобой целый мир пресмыкается,
Грабит, ворует, в крови обагрывается.
Из-за тебя, ненавистное золото,
Наши мольбы переходят в проклятия...
И от тебя, как от тяжкого мота,
Стонет голодная, нищая братия.

Другая часть каторжан, к которой принадлежим мы с Николаевым, находится на свободе, но что это за несчастная, изуродованная, измученная мать-свобода.

Только здесь, на Каре, видишь борьбу за кусок хлеба, не прикрытую даже фиговыми листьями цивилизации.

Цена на продукты первой необходимости баснословная (ржаная мука – 3 руб.), это происходит потому, что никто здесь не занимается их производством, частью вследствие неблагоприятных климатических условий, частью вследствие временного невольного пребывания.

Арестантам разряда «испытываемых» дают по 2 ½ фунта хлеба и какую-то жидкость сомнительной питательности, цвета и вкуса (каковая жидкость не значится ни в одной поваренной книге) и носит на арестантском жаргоне название баланды.

Арестанты же разряда «исправляющихся», находящиеся на свободе, напрягают все силы своего ума и безумия, чтобы пополнить для себя и семьи недостающий кусок хлеба, так как большинство из них женатые люди, ничего не получающие на семью, но обязанные работать в разрезах наряду с заключенными или поставлять дрова (34 сажени в год).

В погоне за недостающим куском хлеба, все они занимаются хищничеством золота или же торговлей водкой, до того распростра-

ненной, что каждый дом ссыльного превратился в кабак. При такой конкуренции и эти занятия малодоходны, и местные пролетарии или жиганы, как их здесь называют, или решаются на бродяжничество, или идут на воровство и разбой.

Самая обыденная тема для разговоров на Каре – это разговоры о пропавших коровах и лошадях, хозяйки постоянно жалуются на кражу дров. Грабежи также обыденное явление.

У одного торговца до того усердно пробуют крепость затворов и ставней, что он принужден держать наемных казаков, обязанных встречать неприятеля с оружием в руках.

На Каре, впрочем, все живут на военном положении: всякий, ложась спать, кладет около себя ружье или топор.

Какому риску здесь подвергается жизнь человека, видно из того, что в течение 2 с половиной месяцев нашего с Николаевым пребывания на Каре, совершено 11 убийств, не считая ранений.

Но поразительней всего то невозмутимое спокойствие, с которым все здесь относятся к убийствам.

Короче говоря, на Каре дешевы только жизнь и совесть, все остальное дорого.

Вот среди какой жалкой природы и еще более жалкой и растлевающей обстановки родится и прозябает множество детей...

На Каре даже улицы не имеют приличного названия: одна – Говнюшкина, другая – Танькина, третья – Терebilовка.

Начальство и др[угие] свободные люди, как будто потому, что дышат отравленным воздухом Кары, пропитываются также ненавистью, завистью ко всему, проводя все свое свободное время в картах, пьянстве, любовных похождениях и подкопах друг против друга.

Болота и грязь кругом Кары, грязь и болота внутри каждого вольного и невольного обитателя Кары, прикрытые сверху тонкой корой приличия. Не дай Бог пошевелить эти болотца: они будут мстить своей вонью.

Много подводных камней в **этой** безобразной, мрачной жизни, как и в мутной речонке Каре. И рулем, при помощи которого здесь избегают ударов о подводные камни, служит подлость во всех ее тончайших проявлениях».

Такова была картина Кары, нарисованная Алексеем Кирилловичем.

Про свои переживания этого периода А. К. говорит весьма мало: в одном из писем к сестре у него прорывается такая фраза: «С грустью я должен сказать, что иногда бывают мрачные минуты, в кото-

рые завидуешь ссыльным, не получившим образования, потому что им в этой помойной яме живется гораздо легче, чем нашему брату, подходящему ко всему с анализом».

В другом из писем к сестре он пишет о перемене, которую он наблюдает в самом себе, что, под влиянием грубой окружающей обстановки, он чувствует большую потребность в эстетических переживаниях, и чувствует, как в нем просыпается любовь к рисованию, стихам, музыке, к природе: «Все эти эстетические приправы моей жизни на Каре – не что иное, как протест или реакция против неестественных условий, в которых я нахожусь».

Потребность в близком родном человеке особенно сильно ощущается А. К., и переписка с сестрой служит единственной его поддержкой.

Таковую же поддержку, по словам А. К., ощущают и его товарищи: «Письма, получаемые Николаевым из России, действуют на него, как спирт, он после получения письма некоторое время не замечает окружающего мира».

Интересные данные о семейных отношениях Прыжова и Успенского сообщает А. К.: «Прыжов смотрел прежде на свою жену свысока (она малообразованный человек, но с золотым сердцем), теперь, видя, сколько бедствий перенесло из-за сибирских морозов это теплое растение, начал ее боготворить. Приезжая на станцию, он высаживал жену из тряской телеги и осыпал поцелуями, не только ее лицо и руки, но и ноги. Другим казалась приторной и смешной такая сентиментальность, но я видел только раскаяние. Успенский, не любивший свою жену, теперь понял, что это человек не слов, а дела, и не может говорить о ней спокойно».

Начальником каторги, в момент прибытия А. К. на Кару, был полковник Марков, вскоре проворовавшийся и отданный под суд*.

Вместо Маркова начальником каторги был назначен Винников, которого А. К. характеризует в одном из писем следующим образом: «Вместо Маркова к нам назначили Винникова – либерала в мундире, хотя и не грабившего казенное имущество, но знаменитого похищением чужих жен».

Весть о прибытии на Кару образованного человека – студента быстро разнеслась по Каре, и местные тюремные чиновники обра-

---

* Марков при помощи посторонних лиц прибрал к своим рукам все подряды по постройке новой тюрьмы, надеясь выполнить их бесплатным трудом заключенных (прим. авт.).

щаются к А. К. с просьбой учить их детей и, по получении согласия, начинают хлопотать перед Винниковым о переводе А. К. в урочные*.

Винников согласился на перевод А. К. в урочные, назначив ему наряд в 32 сажени дров в год, каковой наряд и был немедленно выполнен А. К., внесшим стоимость наряда деньгами, собранными путем самообложения заинтересованными в обучении своих детей служащими.

И вот на Каре впервые открывается школа. С момента открытия в ней перебивало более 100 детей служащих и крестьян окрестных деревень.

Вот что писал А.К. Кузнецов сестре о своих занятиях в школе: «Помимо материальной помощи, это, правда, тяжелое занятие дало мне возможность хорошо узнать сибиряков, и если я потом буду говорить о них, то основные наблюдения о них сделаны в качестве учителя, который видел не только праздничную, но и будничную жизнь. Могу с гордостью сказать, что я многих родителей убедил отдавать детей в разные училища и теперь, например, в одной иркутской гимназии моих учеников 12 человек, тогда как прежде со всей Забайкальской области не посылалось столько в гимназию. Письма ко мне учеников – моя гордость».

С назначением начальником округа, вместо Винникова, полковника Кононовича, человека гуманного и образованного, занятия в школе ухудшаются, так [как] Кононович, узнав, что А. К. окончил коммерческое училище, посадил его в канцелярию за бухгалтерию, с правом продолжать занятия в школе.

«Но так как, – пишет А. К. своей сестре, – у меня было отвращение к бухгалтерии и к канцелярии, то, конечно, Кононович скоро убедился, что проку из меня в канцелярии не будет и, махнув рукой, дал мне возможность снова заниматься одной школой».

Но тем не менее попытка пристроить А. К. к какой-нибудь казенной работе продолжается, и вскоре одному из не любивших А. К. чиновнику удалось добиться назначения его в приют для детей каторжан.

Приют был обставлен самым возмутительным образом: царивший в нем б[ывший]. гвардейский офицер Вердеревский, задавший целью нажиться, эксплуатировал** приют в свою пользу и довел

---

* Урочными назывались каторжане, живущие на свободе с обязательством выполнять наряд – „урок“ по хозяйству присков (прим. авт.).

** Так в тексте, автором использовано устаревшее слово.

его до того, что даже выдавшая всякие виды тюремная администрация пришла к заключению, что так продолжаться не может. Вердеревский был смещен, и старостой приюта был назначен Кузнецов.

С этого времени для А. К. открывается широкое поле деятельности. Первые впечатления от приюта были удручающие, и он спешит поделиться виденным с сестрой: «Представь себе до 40 мальчиков и 5 девочек, живущих в одном здании, разделенном сенями. Помещение для мальчиков, едва достаточное для половины их, грязно, душно, освещено одним сальным огарком, да и то горящим не для них, а для шорника, работающего на Вердеревского. Дети круглый день ничем не заняты. Всякий старается развлекаться по-своему: самый обычный способ развлечения ругань и драки, сокрушенные скулы, зубы, синяки. Самое любимое удовольствие детей – заседания на кухне, где уголовные или ругаются, или рассказывают свои кровавые похождения. Положение девочек еще тяжелее: насилие, побои; мальчики и девочки забиваются в темную комнату, и начинается возня, писк...

Чиновник В. брал девочек к себе на дом для гнусного развлечения...

Я не знаю в мире уголка, где были бы более несчастные дети. Я по принципу считал себя обязанным всецело отдаться служению делу, ибо, повторяю, я не знаю в мире уголка, где были бы более несчастные дети».

Первой заботой А. К. является подыскание помещения и добыча денег на одежду своим питомцам, так как на каждого воспитанника приюта отпускалось только 12 копеек, чего при дороговизне не хватало даже на одну пищу. А белье, обувь?

Недостаток пищи ранее дети летом пополняли, питаясь цветочными почками, багульником, соком березы, грибами, ягодами, сараной*. Последнюю дети осенью отнимали у полевых мышей, запавших луковицы на зиму.

С волнением описывает А. К. случай, когда один мальчик принес в приют из леса живую птицу и на глазах любопытных детей резал живую птицу на части с невозмутимым спокойствием и удовольствием.

Настойчивость А. К. повела к тому, что приюту отвели большую рабочую казарму, и закипает работа: при помощи кучи детей и 15 человек рабочих при приюте разводится большой огород с парниками, в лесу, прилегающем к приюту, происходит разбивка парка; устраиваются мастерские: портняжная, сапожная, переплетная, сто-

---

* Луковичное растение из [семейства] лилейных (прим. авт.).

лярная, кузнечная. Огород и мастерские вскоре начинают приносить доход. Проводится водопровод, орошение, устраивается пруд.

В приюте устраиваются спектакли, елка.

Приют обзаводится сохой, бороной, имеет свой покос.

Зимой ведутся правильные занятия. Детей не узнать: А. К. приучил их к труду и не из-под палки, а труду-удовольствию.

Вскоре приют принимает настолько внешне привлекательный вид, что заведующий каторгой помещает в одной половине приюта генер[ал]-губернатора Сибири, проезжавшего через Кару в Иркутск, после плавания по Амуру и осмотра о[строва] Сахалина.

Приводим описание этого проезда в изложении А. К. (письмо к сестре без даты):

«Этот земной гром пронесся над Карой не особенно грозно, но странно то, что сибирские власти держат в своих руках не только громы земные, но и небесные: еще до приезда генерал-губернатора все и вся дрожали от недостатка тепла в крови, вследствие чего температура воздуха понизилась до того, что утром 9 июня, накануне приезда генерал-губернатора, пал иней, покрывший белой пеленою все окрестности и поморозивший у многих в огородах овощи.

В ночь на 10 июня приехал генерал-губернатор, и в эту ночь, как и подобает по чинам, пал еще более сильный иней, что я объясняю исключительно тем холодом, какой нагоняют в Сибири сильные мира сего не только на простых смертных, но и на природу. Не с того ли самого времени, как русский гений при помощи штыков почувствовал себя призванным цивилизовать варварский Восток, понизилась температура в Сибири до того, что вымерли мамонты... Так как я был более предусмотрителен, чем мамонты, то, чтобы отвратить «громы земные», распорядился везде побелить, подчистить, обложить дерном, засыпать песком всякую гадость и все сошло хорошо, даже получил благодарность.

Против же «небесных громов» я поднял детей на рассвете тревожным криком – иней, иней, и в одну минуту муравейник зашевелился: одни тащат воду, другие обливают растения, чтобы на их поверхности образовалась ледяная корка, третьи раскладывают костры с подветренной стороны, и стелящийся над грядами и цветниками дым, вместе с ледяной коркой растений, мешает сразу нагревать растения солнечными лучами и, следовательно, оттаивание замёрзших соков происходит медленнее. И теперь мы снова можем любоваться из окна роскошной зеленью огурцов, разных сортов гороха, бобов, салата, петрушки, щавелем, шпинатом, сельдереем и т. д.

Как дикари с беспокойством осматривают горизонт, плывя на утлой лодке, так и мы каждый день с беспокойством осматриваем небо и следим за направлением ветров, чтобы решать каждый вечер: падет ли иней, нужно ли закрывать гряды.

Представь себе картину борьбы, которую мы ведем с природой, чтобы вырастить какой-нибудь жалкий кислый арбуз или баклажан, созревающий осенью на окне или иной полуразвалившийся овощ.

В целях смягчения нравов детей, а еще более сибирских медведей, я развел около дома цветники и продолжаю разбивку парка в лесу, прилегающем к приюту».

Приходится сожалеть, что А. К. не обращал особенного внимания на свою переписку и не сохранял копий своих писем, и теперь мы только по немногим сохранившимся его письмам можем восстанавливать карийскую полосу его жизни.

Немногие, сохранившиеся черновые письма, пожелтевшие от времени с выцветшими чернилами, письма, которые местами приходится разбирать с лупой в руках и выдержки из которых приводятся здесь, несомненно, представляют значительный общественный интерес.

Читая эти письма и рисуя по ним картину Кары [18]70-х годов, невольно задаешься мыслью: каким образом в этой мрачной, безнадежной обстановке молодой студент не только не поддавался разлагающему влиянию, но и нашел в себе силы для борьбы за спасение, хотя бы находящийся в отравленной карийской атмосфере детей...

А. К. сам сознавал эту опасность морального разложения: «Почти все напевают мне, что мало-помалу, в какие-нибудь три года, я перерожусь так, что не узнаю сам себя и поддамся общему течению. Правда, здесь [все] время сталкиваешься с людьми, у которых самолюбие составляет весь их нравственный капитал и поэтому приходится идти на незначительные сделки с совестью, но я уверен, что никогда не дойду до подлости, ступеньки к которой, знаю, очень мелки».

Теперь, подводя итоги его жизни, мы знаем те стимулы, которые будили его мысль, не позволяли ему окунуться в мерзкое карийское болото и предохраняли его от морального разложения. Стимулы эти – революционная закалка, любовь к детям и научно-исследовательская складка его ума.

Приступая к каждому делу, А. К. не ограничивался простым его выполнением, но попутно изучал условия и обстановку самого дела.

Так, например, из его переписки мы узнаем, что он тщательно изучает условия жизни детей на каторге, собирает и разрабатывает бытовые и статистические данные. К сожалению этот труд утерян, и об этой работе мы можем судить только по отрывочным данным из его писем. Но и отрывочные заметки в письмах, касающиеся этого вопроса, весьма интересны, так, например, в сохранившихся черновых письмах к сестре без даты, он пишет: «Их печальная история начинается еще в России... Боясь попасть в центральную тюрьму, преступник превращается в самого любящего нежного мужа и уговаривает жену идти с ним в Сибирь, надеясь по приходе на место, как семейный, выйти тотчас же на свободу. Дорогой на детей также выдаются кормовые по 16 коп. в сутки. Для многих родителей это служит хорошим подспорьем при игре в карты – ставить на карту и кормовые своих детей.

Всякий отец, идя этапом в партии, рассматривает своего сына как капитал и старается, по возможности, извлекать из него пользу. Самый большой доход приносят дети родителям, принося в тюрьмы и этапы водку или занимаясь нищенством. Прислужничество детей при майданах*, при игре в карты и, подчас, противоестественная служба... до глубины души развращает их, пересоздавая иногда и самую наружность ребенка. Нередко можно встретить ребенка, преждевременно состарившегося, с желтым цветом лица, с тусклыми глазами, смотрящими в сторону, с вечной отвратительной улыбкой, постоянными порывистыми телодвижениями, изобличающими нервность. Да, детям трудно быть иными, вращаясь в отверженном обществе, в обществе, где как будто в виде протеста последнему совершенно иначе понимается честь, гуманность, любовь, где избить жену до полусмерти, нагло лгать, щеголять кровавыми рассказами, хвататься цинизмом, бесшабашно проигрывать в карты свое имущество, казенную одежду, кормовые деньги и, наконец, продавать свое собственное тело какому-нибудь «Ивану» за какие-нибудь 20–30 коп., вот тот героизм, которому стараются подражать и завидовать дети, вот те силы, которые руководят и направляют эти несчастные жизни.

Для впечатлительной, нервной натуры ребенка эта извращенная жизнь должна служить школой, оставляя глубокие следы в натуре ребенка.

Летом для мальчиков предоставляется и честный заработок – это [быть] коноводами в разрезах, но 12–14-часовая работа не проходит

---

* Запрещенная в тюрьме торговля картами, водкой и пр. (прим. авт.).

бесследно для неокрепшего организма, тем более, что эта работа сплошь и рядом увеличивается еще и тем, что детей ставят на стреме* во время хищнической промывки золота, так как только хищничество золота спасает семейных ссыльных от вымирания от голода.

По моему глубокому убеждению, преступления против детей едва ли могут сравниться с иным, каким бы то ни было преступлением в свете».

Забота о детях всецело поглощает А. К. на Каре, его любовь к ним, настойчивое желание облегчить и окрасить их жизнь, вырвать из цепких мертвящих объятий Кары делают свое дело. Под его влиянием дети перерождаются, детей не узнать: работа на воздухе, в огороде и цветниках, школьные занятия, творчество в мастерских, – все это стирает с них грязные наслоения Кары.

В Нерчинске

Проходят год за годом 6 лет пребывания на Каре, А. К., после долгих ожиданий, получает разрешение поселиться в г. Нерчинске.

В Нерчинске А. К. за 170 руб. в год снимает в центральной части города на Соборной площади довольно большой двухэтажный дом с кухней, амбаром, баней, ледником, садиком и большим огородом. Переехав в этот дом, А. К. в письме к Попперу (мужу сестры А. К.), помеченном 1879 годом, жалуется, что дом стоит на высоком месте, открытом ветрам и, кроме того, почва под огородом слишком песчаная и что ветер и солнце будут сильно вредить огородничеству. «Тем не менее эти обстоятельства не останавливают меня от любимой возни в огороде и в садике».

По устройству в Нерчинске перед А. К. стал вопрос о выборе занятий: к нему поступил ряд предложений от разных лиц заняться обучением их детей, так как слава о сделанных им на Каре чудесах дошла до Нерчинска, и, с другой стороны, к нему поступило предложение со стороны местного миллионера золотопромышленника Бутина^б заняться устройством сельскохозяйственной фермы в предместье города – Зырянхе.

Относительно первого предложения заняться обучением детей А. К. писал Попперу: «Я употребляю все силы, чтобы избавиться от этой горькой чаши, так как можно ожидать доносов со стороны не только местных чиновников, но и туземных конкурентов (учителей)».

---

* На страже (прим. авт.).

Далее свое желание принять предложение Бутина А. К. мотивирует, между прочим, следующим образом: «Всесильный здесь Бутин – золотопромышленник и крупный торговец, имеющий железоделательный и винокуренный заводы, хотя, как и всякий купец, прежде всего эксплуататор, но как человек хороший в этом отношении ничего не имеет общего с нашими коммерсантами».

Возможно, что на отказ А. К. от занятий с детьми повлияло увольнение сретенского учителя Туманова, историю увольнения которого А. К. в юмористической форме рассказывает в том же письме к Попперу: «Учитель Туманов каждую субботу раздавал подарки ученикам (вероятно, американский способ возбуждать самостоятельность), кроме того, школа его отличалась от своих кумушек еще и тем, что в переменах пели «революционные» песни из Ушинского – «Как напали на козлика» и т. д., наконец, за классные проступки провинившиеся дети наказывались классным судом. Как образчик суда, приведу следующий случай: мальчик поцеловал девочку, учитель отдает «преступника» на суд, и дети находят мальчика невиновным. Тогда смущенный учитель объявляет: «В таком случае виновна девочка, в наказание она должна нести из классной комнаты негодное перо и бросить его на дворе».

Конечно, эти нововведения смутили власть имущих, но чашу терпения начальства переполнила большая капля: Туманов через своих учеников предложил родителям собраться на литературный вечер без чая. Но родители не собрались. Второе собрание с чаем устроил у себя несчастный теперь Шайдуров, публики набралось порядочно, и Туманов угощал публику «Японией».

Усматривая в этой деятельности Туманова нечто колеблющее издавна установившиеся школьные порядки в Сретенске, председатель пригласил Туманова в полицию и взял у него подписку в том, что он не будет больше учить детей. Такую же подписку потребовали и от Дебагория-Мокриевича, который, конечно, ее не дал, а Туманов дал, по его словам, подписку, «чтобы не ссориться с председателем».

Но возможно также, что на согласие А. К. заняться устройством сельхозфермы повлияла картина сильного неурожая, охватившего окрестности Нерчинска и систему р. Унды.

В письме к И.М. Фалилееву, старому знакомому по Каре, А. К. описывает картины неурожая: «Вам, как земледельцу, сообщу, что не только на Унде повальный голод, но и в Нерчинске, и в соседних деревнях. Отсюда нищенство развито до невероятной степени, да оно и понятно:

Ржаная мука от 3 руб. 20 коп. до 3 руб. 60 коп., да и то не всегда есть на базаре, мясо 3 руб. 40 коп., дрова были по 4 руб. за сажень, а теперь их не достать ни за какие деньги. Генерал-губернатор жил в Нерчинске две недели, собирая сведения относительно голода, о потребностях и количестве хлеба.

Понизить цены нет никакой возможности до привоза хлеба сплавом, т. е. не ранее половины мая, до тех пор все надежды возлагаются властями на Бога. Около Нерчинска нельзя достать сена ни за какие деньги, соломы тоже почти нет.

При таких условиях с 7 апреля начали посев ярицы-пшеницы на землях, приготовленных с прошлого года, пополам с горем заборанивают поля, так как кони едва волочат бороны. Как будут пахать, каков будет урожай, эти вопросы тревожат всех, особенно после стольких лет неурожая, доведшего население до разорения, а надежды пока плохи, так как после посева уже были морозы в 12° и теперь 2 дня идет снег.

Здесьним хозяевам есть, о чем подумать».

Приняв предложение Бутина, А. К. устраивает сельскохозяйственную ферму в предместье города, [в] Зырянних, устраивает выставку продуктов фермы, проводит в город водопровод из ключа Зырянних. К сожалению, в переписке А. К. нет подробностей об устройстве фермы, но память об этой ферме еще и сейчас не исчезла в памяти старожилов г. Нерчинска.

Убедившись в грубой беззастенчивой эксплуатации «просвещенным купцом» Бутиным рабочих, А. К. порывает с Бутиным и, в целях заработка, открывает собственную фотографию. С первых же шагов фотография начинает приносить значительный доход. Не ограничиваясь Нерчинском, А. К. разъезжает с фотоаппаратом по разным местам Забайкалья, и заработок его достигает нескольких тысяч рублей в год.

Во время этих поездок, предпринимаемых вначале с целью заработка, А. К. собирает коллекции, делает наблюдения, завязывает знакомства и делает снимки различных мест и лиц с краеведческой целью. Собранные во время поездок коллекции наталкивают А. К. на мысль об устройстве в г. Нерчинске музея.

Музейное дело в Забайкальской области в тот момент было в следующем состоянии. В г. Нерчинске находился частный музей миллионера Бутина, состоящий из нескольких сот предметов, привезенных из Европы и Америки и размещенных без всякой системы; из

экспонатов же местного значения было только 3 предмета из области археологии (кирпич из Кондуя, медная статуэтка и железный наконечник стрелы, неизвестно где найденные). Кроме того, в Нерчинском Заводе при управлении кабинетских приисков был музей, помещавшийся в особом восьмиугольном здании. Заинтересовавшись этим музеем, А. К. предпринимает специальную поездку в Нерчинский Завод для осмотра музея и находит следующее: от здания сохранились только фундаменты, и А. К., разыскивая следы музея, не мог узнать, куда девались коллекции музея, по слухам, много коллекций, в том числе и коллекции по археологии, были увезены с караванами золота в Петербург, но по книгам подтверждения этого А. К. установить не мог. Уцелела только, хранящаяся в доме горного начальника коллекция по минералогии и геологии, но коллекция эта была сильно разрознена и перепутана и находилась в самом жалком состоянии. При просмотре этой коллекции, А. К. нашел толстый черепок какого-то глиняного сосуда, несомненно, древнего происхождения, но без обозначения местонахождения.

Таково было состояние музейного дела в начале [18]80-х годов, и А. К. со всей присущей ему страстью и упорством начинает строительство Нерчинского музея.

Положив в основу музея собранные им коллекции, А. К. ведет огромную переписку с разными лицами медвежьих уголков Забайкалья. Переписка эта еще более увеличивается, когда, путешествуя с фотографией по Забайкалью и собирая коллекции, он убеждается, что Забайкалье представляет богатое место для археологических изысканий, и, увлекшись археологией, начинает не только собирание археологических предметов, но, при помощи переписки, и собирание данных для археологической карты. Учитывая, что без помощи и благословения торгового капитала музейное дело не сдвинется с мертвой точки, он и взывает к местным толстосумам.

Вскоре ему удается заинтересовать собранными музейными коллекциями купца И.Ф. Голдобина⁷, который отпустил в распоряжение А. К. значительную сумму на устройство музея. А. К. на эти деньги снимает нижний этаж каменного здания городской думы, заводит сеть сельских корреспондентов, завязывает сношения с центром, и вскоре коллекции музея достигают внушительной цифры – 10000 предметов.

У дочери А. К. Татьяны Алексеевны Смирновой сохранились черновики писем А. К. к разным лицам, проникнутые одной забо-

той – устройством музея. В этих письмах особое внимание А. К. уделяет вопросам археологии. Несмотря на быстрый рост музея, нерчинское общество и Нерчинская городская дума несколько не интересовались возникшим в городе культурным учреждением, и А. К. в письме к своему «учителю и другу» Мартьянову⁸ (творцу Минусинского музея) жалуется на то, что ему приходится тратить много сил на пропаганду значения музея среди нерчинского общества, «понимающего пользу только в виде алтына, да и то такого, который немедленно можно было бы положить в карман».

Этот индифферентный к музею Нерчинск коренным образом изменился в 1891 году, после проезда наследника Николая⁹, посетившего музей, пробывшего, к удивлению жителей, в нем более часа и подарившего музею сумму в 500 руб. и бриллиантовую булавку его основателю Кузнецову. Посещение музея Николаем, можно сказать, упрочило положение музея в глазах общества.

Пользуясь этим обстоятельством, А. К. развивает еще более оживленную деятельность, охватывая своими письмами все слои общества. Так, например, в письме к местному архиерею Мелетию¹⁰ он, разъясняя архиерею важное значение находок археологических предметов, сообщает ему, что на такие находки местные крестьяне часто смотрят, как на шаманские вещи и или бросают их, или зарывают обратно в землю и тем приносят вред делу. Во избежание ущерба от такого отношения крестьян для науки он просит архиерея разослать священникам 60 экземпляров печатного перечня предметов, необходимых музею для распространения среди населения.

Увлечшись археологией, А. К. предпринимает по [Забайкальской] области ряд специальных поездок с целью раскопок и собирания материала на собственный счет. Об одной из таких поездок мы находим сведения в письме к Н.М. Мартьянову от 28 февраля 1893 года, в котором он сообщает, что в свою летнюю поездку по р. Онону он собрал огромный материал, одних стоянок доисторических людей он открыл 25, лапидарных памятников до 20, из которых половину привез в Нерчинский музей.

Раскопки, производимые А. К., происходят без официального разрешения Императорского Археологического общества, несмотря на посланный им ряд прошений о разрешении производства раскопок, и в письме к Радлову¹¹ в октябре 1893 года А. К. жалуется, что отсутствие специального разрешения на раскопки ставит его в положение хищника. Указывая далее на полное отсутствие в [Забай-

кальской] области охраны памятников старины, пишет: «Сотни памятников разрушаются, курганы раскапываются хищниками, а мы не имеем возможности производить раскопки с соблюдением всех установленных правил и даже, что-нибудь предпринять в ограждение памятников от хищничества».

Из этого письма А. К. видно, что раскопки Кондуевского городка¹², раскопки на Ононе и Ингоде производились им без официального разрешения И[мператорского] А[рхеологического] о[бщества], и А. К. не раз в своих письмах возвращается к этому большому для него вопросу.

Помимо археологии, А. К. интересуется и ведет большую переписку с научными обществами и сельскими корреспондентами по вопросам естествознания, антропологии и этнографии.

Собирая в музей местный материал, А. К. не может пройти мимо ссылки, которую он изучал на Каре и позднее во время своих поездок по области. В письме к Мартьянову он пишет: «У меня возникает дерзкая мысль: я начинаю мечтать об отдельном здании для музея. Там мне, надеюсь, никто не помешает устроить в нем отдел ссылки, я уже пытался сделать это, но генерал-губернатор Корф¹³ устройство этого отдела не разрешил, а между тем материал, имеющийся у меня в руках, производит потрясающее впечатление».

А. К. уделяет много внимания собиранию материала о Забайкалье, и вскоре в музее возникает библиотека.

В краткой статье трудно описать деятельность А. К. по строительству музея и изучению края, но нас интересует главным образом не само строительство музея, а взгляды А.К. Кузнецова на цели и задачи, преследуемые им при строительстве музея. Этот взгляд А. К. на значение местных музеев довольно подробно и ясно изложен им в письме к Н.М. Мартьянову от 28 февраля 1893 года: «Я не только осязательно вижу пользу, приносимую местными музеями, но в своих мыслях захожу очень далеко: мне кажется, что местные музеи, может быть, в недалеком будущем будут главными проводниками в народную массу как теоретических, так и практических знаний.

С устройством при музеях лабораторий, метеорологических и сельскохозяйственных станций, опытных полей и т. д. местные музеи могут служить справочными бюро известного района как по теоретическим, так и практическим вопросам.

Мне кажется, что при помощи местных музеев будет пробита стена, отделяющая университетскую науку от улицы, от народной массы. И теперь еще некоторые ученые, как Мензбир, проповедуют в «Русской мысли» за обособленность научной деятельности от масс, но если бы тот же Мензбир поближе познакомился с вашим (минусинским) музеем, то, конечно, Мензбир ратовал бы не за обособленность, а за расширение научной деятельности во всех сферах, во всех уголках наших беспредельных трущоб не только патентованными, но и непатентованными силами».

Из этой оценки роли и значения местных музеев мы видим, как далеко был тогда А. К. от взгляда на музей как на кунсткамеру, взгляда, которым в то время было пропитано большинство музейных работников.

Являясь одним из первых пионеров борьбы за превращение музеев из кунсткамеры в школы для масс, в справочники для хозяйственников, А. К., как мы знаем, эту борьбу за назначение музеев неуклонно проводил до Октябрьской революции, развязавшей ему руки для широкой культурно-воспитательной работы на материалах музея.

Невозможность поставить воспитательную работу в самом музее толкает его на работу вне стен музея, и А. К. в 1880 году*, вместе с местным общественником М.Ф. Суровцевым, организует Общество попечения о народном образовании, избирается первым его председателем и принимает живое участие в работе комитета Нерчинской городской библиотеки.

Отсутствие помещения для развертывания в музее сельскохозяйственного отдела сильно беспокоит А. К., и он, видя полную невозможность организовать этот отдел, проводит в Обществе попечения о народном образовании и в городской думе в 1881 году мысль о необходимости организации близ г. Нерчинска низшей сельскохозяйственной школы. Прорабатывая, по поручению городской думы, этот вопрос, А. К. приходит к выводу, что для Забайкалья нужна не низшая, а средняя, если не высшая, сельскохозяйственная школа, так как при полном отсутствии в крае образцовых хозяйств и опытных полей, низшая школа не разрешила бы множество назревших теоретических и организационно-практических вопросов сельского хозяйства.

---

* Так в тексте, должно быть – 1889 г.

Ходатайство г. Нерчинска об организации сельскохозяйственной школы с ремесленными классами при ней, странствовало по бюрократическим инстанциям более 20 лет и разрешение на открытие школы застало А. К. уже в Чите.

Большая культурная работа, проводимая А. К. в г. Нерчинске, заставляет городскую думу, без всякого участия А. К., хлопотать о восстановлении его в правах, на какое ходатайство думы в 1889 году получается Всемиловейшее соизволение.

Работая по созданию музея, организуя целый ряд культурных начинаний в Нерчинске, включая сюда и музыкально-драматический кружок, А. К. знает, что все эти здания строятся на песке и их существование всецело зависит от настроения местных «помпадуров». И он всеми силами поддерживает с ними хорошие отношения, но в то же время А. К. конспиративно ведет ответственные сношения с находящимися на Каре народовольцами и оказывает немало услуг.

Эта двойственность поведения А. К. обращает на себя внимание местных властей, и по приказу губернатора А. К. арестовывают и держат полтора года в нерчинской тюрьме под следствием, следствие не устанавливает особо преступных деяний Кузнецова и по освобождении он снова возвращается к работе в музее.

Подводя итоги работы Кузнецова в Нерчинске, следует отметить: 1) организацию сельскохозяйственной фермы; 2) организацию Нерчинского музея; 3) основание О[бщест]ва попечения о народном образовании; 4) проведение подготовительных работ по организации в г. Нерчинске сельскохозяйственной школы с ремесленными классами; 5) основание О[бщест]ва любителей музыки; 6) основание комитета Нерчинской городской библиотеки и склада дешевых народных изданий при нем; 7) целый ряд археологических изысканий и раскопок и создание атласа археологического отдела музея; 8) большой весьма ценный фотографический материал краеведческого характера.

В Чите

В 1889 году А. К. переезжает в г. Читу, чтобы дать образование своим детям. В Чите, как и в Нерчинске, он открывает с целью заработка фотографию-передвижку.

Чита производит на А. К. гнетущее впечатление: «Чита – это город военщины и чиновничества, цена деньгам – все, обдeldывание собственных делишек доводит до виртуозности. Нет никакого

общественного дела, все попытки этого рода расстраиваются из-за самолюбия, эгоизма, личных счетов. Даже официальные ведомства в Чите относятся друг к другу враждебно, и буквально все воюют между собой» (из письма).

Немудрено, что вначале А.К. Кузнецов стремится выбраться из Читы и в письме, помеченном тем же 1889 годом, пишет: «На Читу смотрю как на временное местопребывание, примириться с этим чиновничьим гнездом не могу и не хочу, не выношу также огромной массы военщины и чиновников, мелких, ничтожных, но с огромным самолюбием и самомнением» (из писем к сестре).

Очутившись в чуждой и враждебной обстановке, А. К. мыслями живет в Нерчинске и забрасывает нерчинцев вопросами о музее, библиотеке и т. д.

Период с 1889 по 1894 год можно назвать пробиванием льда индифферентизма читинских обывателей к общественным и научным вопросам, и возможно, что этот лед продолжал бы оказывать сопротивление усилиям А. К. и присоединившейся к нему небольшой кучки местной интеллигенции, если бы не подули «весенние ветры» с неожиданной стороны, со стороны высшего начальства края, приамурского генерал-губернатора. Приамурский генерал-губернатор Духовский¹⁴, правильно учтя стремления придворных кругов на ставку «просвещенного абсолютизма», в целях создания соответствующего мнения за границей, не только оказывает покровительство всяким культурно-общественным начинаниям, но и проявляет активность, организуя в Хабаровске Приамурский отдел Русского Географического общества и стремясь насадить отделения этого общества в Благовещенске, Чите и других городах своей сатрапии.

Пользуясь благоприятными условиями, Алексей Кириллович Кузнецов и д[окто]р Николай Васильевич Кириллов¹⁵ 12 июля 1894 года на общем собрании Общества правильной охоты вносят предложение об организации в Чите Географического общества.

Поданная ими докладная записка была встречена губернатором благожелательно, и 16 июля 1894 года под председательством приехавшего в Читу генерал-губернатора С.М. Духовского состоялось первое собрание членов-учредителей Забайкальского отдела Русского Географического общества. Председателем отдела избирается губернатор Е.О. Мацневский¹⁶.

Организовавшееся общество совершенно не располагало научными работниками (в Чите число лиц с высшим образованием не

превышало в то время 2–3 человек), и поэтому общество могло существовать только механически за счет местного чиновничества, поощряемого орденами и повышениями по службе, и, несомненно, общество не проявило бы никакой работы, если бы Кузнецову и Кириллову не было предоставлено полной творческой инициативы.

Пользуясь формальным отношением к обществу местных чиновников, Кузнецов и Кириллов захватывают все дело в свои руки и развивают лихорадочную деятельность.

Географическое общество с первых же лет своего существования, вступив на путь широкой культурной работы в крае, организует в 1895 году систематические народные чтения; организует при музее библиотеку и продажу народных изданий. В 1900 году при обществе устраивается склад сельскохозяйственных орудий (складом заведовал А.К. Кузнецов), и, наконец, в 1899 году общество устраивает в г. Чите сельскохозяйственную и промышленную выставку, достигшую значительных успехов. Огромный пустырь среди города (служивший местом для свалки нечистот) в непродолжительное время был превращен в сад (теперь Сад профсоюзов); на выставке была собрана масса ценных вещей со всего Забайкалья.

Кроме того, общество за этот период проделало ряд научных работ и исследований: в 1895 году экскурсия геолога Герасимова¹⁷ в низовьях Ингоды и Онона; в 1896 году экскурсии Брагина (геолога) по р. Ингоде и Шилке, Стукова¹⁸ (ботаника) в Акшинском уезде, Логиновского¹⁹ (этнографа) к бурятам Агинской степи и т. д.

Музей с начала своего возникновения к 2 января 1902 года имел свыше 33000 номеров экспонатов и коллекций и разделялся на отделы: естественно-исторический (минералогия, геология, ботаника, зоология, палеонтология); в этом отделе выделялись: ценная коллекция месторождения золота и ботаническая коллекция, собранная Стуковым в Забайкалье. Этнографический [отдел], характеризующий быт местных аборигенов (бурят и тунгусов), в этом отделе обращала на себя внимание весьма ценная коллекция предметов буддийского культа. Эти коллекции помещались в особо выстроенном здании типа дацана*. В тунгусском отделе находился весьма ценный манекен шаманки, работы Сухомлина (уникум). Археологический отдел, отражавший доисторическую полосу жизни Забайкалья. Отдел сельского хозяйства и промышленности, находящийся в периоде развертывания, в котором коллекционировались орудия сельскохо-

* Дацан – буддийский монастырский комплекс.

зяйственные, кустарные изделия, обогатившийся в 1899 году результатами сельскохозяйственной выставки.

Казалось бы, такая широко развернувшаяся деятельность Географического общества обеспечивала для музея и самого общества прочное положение и поддержку правящих кругов, тем более что в 1899 году по окончании сельскохозяйственной выставки А.К. Кузнецов награждается тремя медалями: золотой – за деятельность по пчеловодству, большой серебряной – за художественно-фотографические работы и бронзовой – за исследование по изюброводству в Забайкалье.

Но, как выше уже было сказано, существование культурных учреждений в царской провинциальной России зависело исключительно от настроения местных сатрапов, настроение которых, в свою очередь, зависело от дирижерской палочки, исходящей от Министерства внутренних дел.

В конце 1901 года, с назначением генерал-губернатором Надарова²⁰, начинается разгром Общества и музея.

А.К. Кузнецов отстраняется губернатором от должности директора музея, под давлением сверху выходят из состава совета [Географического] о[бществ]а и некоторые члены. Новый состав совета оказался совершенно бездеятельным. Все сношения с научным миром были прекращены, о каких-либо научных предприятиях не было и помина. Книжный склад, народные чтения, склад сельскохозяйственных машин были закрыты. Коллекции музея, по настоянию директора гимназии, были вытаснены из помещения и свалены в сарай без пола и потолка, и 2/3 их погибло безвозвратно.

Занявший место А.К. Кузнецова А.Ф. Геллер занялся приспособлением сада для увеселений: был выписан граммофон, устроена площадка для танцев, балаган для представлений, и начались бесконечные гуляния с музыкой. Увеселительные предприятия Геллера поглотили все наличные средства О[бществ]а и создали за Об[ществ]вом долг в сумме 3000 руб.

Этот период разгрома культурных начинаний города продолжался до ухода губернатора Надарова.

Новый совет Г[еографического] о[бщества], избранный 16 апреля 1904 года во главе с А.К. Кузнецовым и Д.М. Головачевым²¹, принимается за восстановление разрушенной деятельности Общества и вторичное создание музея.

Снова на каторге и в ссылке

Революционные события 1905 года снова отрывают А.К. Кузнецова от работ по восстановлению музея и подхватывают его на гребень одной из революционных волн.

Чтобы уяснить себе этот период из жизни А. К., нам нужно остановиться немного на взаимоотношениях А. К. с местной революционной общественностью.

В Чите, еще до его приезда, существовала небольшая группа политических ссыльных, состоящая в большинстве из революционных народников, окончивших карийскую каторгу и поселенных в Чите: Шишко, Синегуба, Фани Морейнис и др. С течением времени количество ссыльных увеличилось, и в Чите образовалась небольшая колония. Члены этой колонии за небольшим исключением жили сплоченно и дружно, часто происходили собрания то у одного, то у другого товарища, существовала коммунальная столовая мастерская.

Члены колонии взаимно поддерживали друг друга материально и морально. Влияние ссыльных на население, особенно на молодежь, было огромное, и некоторые из них принимали живое участие в общественной жизни. К кому читинец обращался в трудные минуты за помощью или советом? К политическим. Где искал лучшего репетитора? У политических. Кто считался лучшим врачом в области? А.В. Прибылев. Остановятся ли часы у обывателя, идет в часовую мастерскую ссыльного Бубновского, поломается мебель – в мастерскую ссыльного Союзова, приспичит его увековечить свою полумонгольскую физиономию с выдающимися скулами – идет в фотографию ссыльного Кузнецова.

А духовную пищу, где ее найдешь в Чите, как не у политических ссыльных, и какая-нибудь книга – томик Лассалья кочует из дома в дом и зачитывается до дыр, пока не найдется упрямая молодая голова и не перепишет этот томик Лассалья от заглавной буквы до конца (в Чите в начале 90-х годов по рукам ходил единственный экземпляр Лассалья и когда он обветшал, то гимназист Петр Иванов, позднее террорист, убивший Бородулина, переписал его от руки).

Интересно отношение членов этой колонии к Алексею Кирилловичу. Наиболее принципиальные ссыльные – Н.М. Салова, Моисей Диковской и др. – относились к нему сдержанно, ставя ему в вину его якшанье с администрацией и поддерживание хороших отношений с губернаторами.

Большинство же политических ссыльных доказывало, что только поддержанием хороших отношений А. К. с губернаторами и можно было спасти музей и другие культурные начинания в г. Чите.

На этой почве происходили бурные дискуссии.

В общем же политссылка уважала А. К. за проводимую им большую культурную работу в крае.

Но особенные тесные отношения связывали Кузнецова с молодежью. Под влиянием политической ссылки молодежь организовала кружки самообразования, где штудировала Михайловского, Лассаля, Маркса. Из этих кружков вышли такие революционные деятели, как Миней Губельман (Е. Ярославский), Петр Иванов (террорист), Дмитрий Кривоносенко (с[оциал]-д[емократ], большевик), убитый на посту комиссара в Томске, и др. Вот с этой-то молодежью, особенно с эсеровской ее частью, и был близок А. К. в период с 1904 по 1906 год.

Пользуясь установившимся в глазах администрации положением научного работника, отказавшегося от революционных мечтаний, Кузнецов скрывает в музее бежавших революционеров, распространяет в городе революционную литературу и т. д.

С разворачиванием революционных событий 1905 года А. К. принимает в них живое участие. Приводим выдержку из документов забайкальского жандармского управления: «Весть о Высочайшем манифесте от 17 октября пришла в Читу 21 октября вечером. В этот вечер на сцене общественного собрания драматической труппой Мирославского давалась пьеса Горького «На дне». После первого действия на сцену вышел политический ссыльный фотограф Кузнецов и произнес речь, после которой одна из артисток прочла текст Манифеста. Когда она после слов – мы, Николай Второй, – начала было читать высочайший титул, раздались крики: «Второй и последний... Дальше пропустите... Читайте самый текст». Затем продолжение спектакля было прервано, и публика устроила бурный митинг с пением революционных песен, произнесением речей, закончившийся попойкой. Председателем митинга был избран некий Заремба – 20 лет, железнодорожный рабочий, исключенный из 2-го класса гимназии».

«В воскресенье 30 октября в здании, построенном для цирка, состоялся с согласия в[ице]-губернатора общенародный митинг, устроенный Комитетом по устройству митингов, в котором самое деятельное участие принимал тот же фотограф Кузнецов и податной

инспектор Лутохин и неперменный член Гриневицкий. На митинге этом критиковался Манифест. Доклад на эту тему, между прочим, сделал г[осподин] Лутохин»*. «Военный губернатор области собрал того же числа совет из представителей разных ведомств, под своим председательством, и совет этот большинством голосов вопреки мнению начальника п[очтово]-т[елеграфного] округа действительного статского советника Данилевича, постановил удовлетворить ходатайство городской думы. Узнав об этом решении, на митинге, в котором участвовал и городской голова, постановлено было начальника п[очтово]-т[елеграфного] округа Данилевича от должности отстранить и для наблюдения за действиями почты и телеграфа избрать комитет из фотографа Кузнецова (заведомый революционер), заведомого мятежника поручика Дмитриевского и одного из главных агитаторов среди железнодорожных рабочих, известного под именем Николая Николаевича, фигурировавшего в комитете под фамилией Соболева»**.

С приходом в декабре 1905 года карательной экспедиции ген[ерала] Ренненкампа, больного тифом А. К. арестовывают и переводят в тюремную больницу и приговаривают военно-полевым судом к смертной казни, замененной, по ходатайству Академии наук и Географического общества, десятилетней каторгой. Каторгу он отбывал в Акатуе, где принимает участие в жизни политического коллектива и, кроме того, не может удержаться, чтобы не развести в мрачном тюремном дворике цветочные клумбы.

По свидетельству медицинской комиссии А. К. сокращают, как инвалиду, срок каторги и отправляют на поселение в Якутскую область. Свое путешествие этапом из Акатуя в Якутск А. К. описывает в одном из писем как самое тяжелое переживание в своей жизни: «Из Акатуя я был отправлен 14 июля 1908 года. Всю дорогу до Александровского Завода шел мелкий дождь. Меня поместили на ночлег в старом александровском этапе – клоаке, вонючем и грязном. Здесь уже находилась партия уголовных из разных тюрем: мужчины, женщины, девушки и дети. Вечером втащили в камеру старую, грязную парашу. Я протестовал и требовал удаления параша в коридор. Всю ночь я не спал и задыхался от вони. 15 июля из Александровского Завода в Макарово 24 версты. Всю дорогу шел дождь. Меня, больного, посадили на двухколесную телегу, нагру-

* Отношение жандармского управления № 313 от 2/XI–1905 г. (прим. авт.).

** Отношение жандармского управления № 35 от 23/I–1906 г. (прим. авт.).

женную бутором. Сидя на буторе, на большой высоте, я рисковал каждую минуту свалиться не только от толчков, но и от головокружения.

Приехавши, наконец, в Макарово, я ходил, как пьяный: в висках стучало, шли круги. Полуэтап оказался отвратительным, грязным, вонючим, с низким потолком, маленькими окнами, без форточек. Солдаты, видя, очевидно, мое ужасное состояние, предложили ночевать в их половине. Здесь топился котел для кипятка, жар и пар были невозможными, и я проспал только несколько часов.

Из деревни и утром ничего не принесли из пищи, крестьяне все на покосах.

Из Макарова – в Кавыкучи-Газимур – 30 верст.

По выезде с полуэтапа шел дождь 3–4 часа. Все ручейки, сухие русла речонки наполнились водой. Маленькая река Аленуй превратилась в порядочную речонку, залившую местами дорогу. Затем дорога идет по берегу р. Газимур, который поднялся на большую высоту и мчался, как бешеный.

Все вещи при переездах через речонки были подмочены. На арестантов жалко было смотреть: босые, в одном белье, промокшие до нитки, усталые, они еле-еле тащились по вязкой грязи. Арестанты на ходу снимали рубахи, выжимали и снова их одевали. Я, несмотря на дождевик, промок до костей».

Эта обычная этапная картинка – привычная для каторжан, очевидно, потому так ярко запечатлелась у А. К., что он ехал совершенно больной и все этапные прелести ощущал, что называется, в квадрате.

По прибытии в Якутскую область А. К. (в это время ему было 62 года) как инвалид должен был быть помещен в богадельню для ссыльных каторжан, но, благодаря брату Д.А. Клеменца, А. К. был послан в Намский улус. И тут, в условиях холода и мрака, А. К. разводит огород, устраивает парники, выращивает овощи, на которые съезжаются смотреть якуты за 200–300 верст. В улусе же А. К. без разрешения полиции открывает школу, за что штрафуется на 7 руб. 50 коп.

В 1911 году якутской общественности с большим трудом удается добиться перевода А.К. Кузнецова в г. Якутск для приведения якутского музея в порядок.

Приезд Кузнецова совпал с переходом музея в новое помещение, и А. К. пришлось обновить почти всю обстановку его: завести соот-

ветствующей конструкции шкафы для минералогических коллекций, для изделий из мамонтовой кости и кустарных работ, витрины для ботанических и этнологических коллекций, для образцов местных полезных ископаемых, для модели крепости г. Якутска и др. Изготовлены и поставлены были манекены шамана, якутки, тунгуски. Приготовлено много чучел животных и птиц, приобретено большое собрание насекомых и растений. Различные отделы пополнились новыми предметами.

В музей, систематизированном и приведенном в полный порядок, чувствовалась лишь необходимость в каталоге, что осуществлено было в дальнейшем М.И. Губельманом*.

Возвращение в Читу

В 1913 году Забайкальское Географическое общество добивается разрешения на переезд А.К. Кузнецова в Читу. С отъездом его в Читу в Якутске повторяется в миниатюре читинская «геллериада», т. е. деятельность музея падает.

Этот момент из жизни якутского музея хорошо обрисовывает М.И. Губельман²² в своем письме из Якутска на имя А.К. Кузнецова в Читу, помеченном 13 сентября 1913 года: «Сегодня же устрою с высылкой Вам «Якутской окраины», в которой Вы найдете много интересного по Вашему адресу, много лестного для себя и для вашего детища (музея) и еще более нелестного для вашего заместителя.

По этим же [номерам] газеты Вы составите себе более ясное представление об открытии и функционировании Географического общества. Получается, как Вы верно предсказывали, сплошная история. Я сам не был на открытии, только из своей комнаты слышал тосты и «Боже, царя храни». Речей было необыкновенно много. Каждый – свое. Говорили даже типографы и переплетчики. Первые выражали надежду, что новое Общество не оставит своими заказами типографии, вторые – насчет переплетных заказов. Оно, конечно, не было недостатка в речах, обещающих научную работу по изучению края. Но то были речи. А дела... очень плохие дела... Заместитель Ваш оказался на высоте своего положения... Он с первого же дня приступил к неисполнению своих обязанностей. Он запер все двери и комнаты. Ключи положил в карман, и музей буквально оказался

---

* См.: Сборник трудов исследовательского общества «Саха Кескиле», вып. 3, май 1926 г., г. Якутск, с. 134 (прим. авт.).

закрытым. В девять часов он уходит в консисторию, до девяти спит. В 3–4 часа он дома, но деятельности – никакой, по крайней мере, в прежнем смысле.

За все время (три недели уже), со времени вашего отъезда, поступило пожертвований: одна зеленая хлорофильная картошка, древесный гриб и откуда-то прислан кортик железный.

Он не только не пользуется никаким доверием, никаким уважением окружающих, но, что гораздо хуже, по-моему, для дела, – он сам себя не уважает: по поводу всех этих статей в газетах, он замечает цинично: «Я ведь толстокожий, меня этими фельетонами не проймешь, ни за что не отступлюсь, хотя бы из-за одной казенной квартиры».

О каких бы то ни было шагах Географического общества не слышно ровно ничего. Членов имеется 22, но неизвестно, когда и что они будут делать. Получаются между тем издания научных обществ для обмена. Я попробовал было написать два письма в юрьевский Ботанический сад и Ботанический сад Академии наук, но А.И.* нашел их составленными не по форме, предложил переписать, и это почти отбило у меня всякую охоту что-нибудь делать: больше всего ненавижу канцелярщину, боюсь ее».

Причиной вызова А. К. в Читу был пожар музея и удаление остатков музея из занимаемого здания.

В ночь на 11 декабря [1911 года] в музее от неисправности дымоходов возник пожар, уничтоживший большую часть коллекций, оставшиеся же коллекции, ввиду необходимости освободить помещение, были свалены на чердак, некоторые коллекции, как, напр[имер], палеонтологическая, были сброшены в беспорядке и без ярлыков, археологические же коллекции были перепутаны. В связи с этим деятельность Общества снова замерла. В это тяжелое время, когда деятельность его замерла, особенно остро чувствовалась нужда в человеке, который всецело посвятил бы себя работе в отделе.

Таким человеком мог быть только А.К. Кузнецов, находившийся в ссылке, и Географическое общество возбуждает ходатайство перед иркутским генерал-губернатором Князевым о разрешении А. К. вернуться в Читу.

Еще до приезда А. К. в Читу, благодаря стараниям председателя отдела Д.М. Головачева, в конце 1912 года было приступлено к по-

---

* Так в тексте, фамилия не указана.

стройке собственного 2-этажного здания для музея по Пушкинской улице, против мужской гимназии.

И вот, А.К. Кузнецов в третий раз принимается за восстановление музея. Но в конце 1914 года новое несчастье обрушивается на музей: фанатики, подстрекаемые злобными проповедями архимандрита Ефрема и статьями «Забайкальских епархиальных ведомостей», в темную, глухую ночь 14 декабря разбили замки и взломали двери дацана – отдела музея в саду им. Жуковского, разложили внутри три костра и зажгли их. Пламя уничтожило ценнейшие коллекции буддийского культа Тибета, Монголии и Китая и само здание.

Лихорадочно работает А. К. над восстановлением музея и постройкой нового помещения.

9 ноября 1914 года состоялось торжественное открытие музея в новом помещении. Снова около музея сгруппировывается кружок молодежи: бр[атья] Союзовы, Л.П. Шемелин и др., и снова оживает деятельность Географического общества.

Февральская революция значительно обогатила музей, так как благодаря хлопотам Кузнецова в него поступили коллекции агрономического отдела Заб[айкальского] переселен[ческого] района, с музеем были слиты б[ывший] музей Забайк[альского] казачьего войска и тюремной инспекции. Кроме того, в музей был свезен архив б[ывшего] жандармского управления, к сожалению, материалы этого ценного архива были отобраны при обыске в музее семеновцами и, по слухам, уничтожены.

Наступившие раскаты Октябрьской революции А.К. Кузнецов встретил недоверчиво и даже враждебно, как и большинство деятелей [18]60–80-х годов, законсервированных условиями каторги и ссылки в своих прежних обветшавших уже к 1917 году убеждениях. Но тот же А. К. скорее, чем кто-либо другой, ориентируется в линии, занятой Коммунистической партией и, убедившись в правильности занятой этой партией позиции, начинает с конца 1920 года работать рука об руку с этой партией не за страх, а за совесть.

С очищением Забайкальской области от белогвардейских банд и интервентов и с образованием временной Дальневосточной республики²³, объявившей все музеи, находящиеся на территории Д[альне]в[осточной] республики, собственностью государства, в Читинском музее, впервые за все время его существования, вводятся штаты, о чем ранее музей и не мог мечтать.

4 августа 1921 года правительством ДВР был издан закон, отмечаящий, выдающиеся заслуги основателя музея и нынешнего его директора А. К. с назначением ему пожизненной пенсии и с присвоением Читинскому музею имени А.К. Кузнецова.

Приводим текст этого закона: «Ввиду выдающихся заслуг, оказанных Алексеем Кирилловичем Кузнецовым населению Дальневосточной республики, в его культурных запросах созданием музея, Географического общества, составлением и изданием различных материалов и альбомов из жизни Забайкалья и историей декабристов и тяжелого положения А. К. Кузнецова, в котором он находится в данное время, правительство ДВР, в порядке ст[атьи] 43 Основного закона, постановило: наименовать музей Читинского отделения Русского Географического общества Музеем имени Алексея Кирилловича Кузнецова и назначить ему, Кузнецову, пожизненную пенсию в размере 600 руб. в год, начиная с 1921 года, включив означенную сумму в смету Министерства народного просвещения.

Заместитель Председателя Правительства И. Матвеев.

Председатель Совета Министров Никифоров».

Последние годы жизни

В этот период, находясь уже в преклонных годах, А. К. все еще участвует во всех работах музея и Географического общества, основывает отдел революции при музее, подготавливает и отправляет в 1923 году экспонаты на Московскую с[ельско]х[озияйственную] выставку, участвует в историко-революционной выставке в гор[оде] Чите, в 1923 году устроенной ДВ ЦК РКП* совместно с О[бщест]вом б[ывших] политкаторжан, в выставке, посвященной 10-летию Октябрьской революции, и проводит большую просветительную работу.

8 февраля 1925 года состоялось торжественное празднование 55-летия общественной и научной работы А.К. Кузнецова, совпавшей с 30-летием деятельности Забайкальского отдела Географического общества и музея.

Празднование прошло с большим подъемом: в праздновании приняли участие все советские, партийные, профессиональные и общественные организации города. Огромное количество телеграмм, адресов, приветствий со всех концов СССР. Ряд учреждений

---

* ДВ ЦК РКП – Дальневосточное бюро ЦК РКП.

избрал А. К. своим почетным членом – это свидетельствует, что имя А.К. Кузнецова и работа основанных им учреждений получили общее признание и сделались известными широким массам трудящихся.

Юбилей был достойным увенчанием многогранной и полезной деятельности А.К. Кузнецова в Забайкалье, но далее силы начинают покидать его, и лишь заложенная в нем огромная жажда к жизни и железная энергия поддерживают ослабевший организм. Но природа берет свое: наступает медленное угасание, и в связи с этим А. К. не без борьбы соглашается уйти на покой. Уйдя на покой, он ежедневно, с большим трудом спускался со 2-го этажа в археологический отдел и приводил в порядок и сортировал коллекции. Огромная память не изменила ему, и до последних дней его жизни он служил своего рода справочной энциклопедией для сотрудников музея, живо интересуясь всем происходящим в музее, ревниво следя за изменениями, вносимыми в музей его заместителями.

В середине октября 1928 года силы А. К. настолько упали, что он был положен в больницу, откуда по совету врачей вскоре был направлен в московскую клинику. Страдания какой-либо определенной болезнью у А. К. констатировано не было, диагноз говорил за старческое одряхление, за общую изношенность организма.

Последние дни А. К. прошли в Москве среди старых его соратников и 12 ноября А. К. не стало.

Слишком мало времени прошло со смерти А. К. чтобы приступить к беспристрастной оценке его как человека и революционера, но все же мы пытаемся набросать первые, неуверенные, робкие штрихи, могущие служить канвой для дальнейших исследователей.

Если вся советская общественность, в настоящее время сходитесь в оценке проделанной им огромной культурно-общественной работы в крае, то в хоре голосов, оценивающих его как человека и революционера, звучит диссонанс:

Выше мы уже приводили мнение меньшинства колонии ссыльных революционных народников в Чите, отрицательно относившихся к А. К., идущему, по их мнению, на недопустимые компромиссы со своей совестью, поддерживая дружеские отношения с губернаторами и архиереями и т. д.

Яркое подтверждение этих дружеских отношений с «сильными мира бывшего» находим в приводимом ниже письме экс-губернатора А.И. Кияшко. Приводим это письмо дословно:

«Г. Тифлис. 27 марта 1917 г.

Милый мой, дорогой глубокоуважаемый Алексей Кириллович. Поздравляю Вас и в лице Вашем всех близких и дорогих моему сердцу граждан Забайкальской области с наступающим праздником светлого Христова воскресенья и от всей души желаю всем здоровья и всего наилучшего.

Вот я и на Кавказе, где я родился и провел свою молодость, а все мне грустно и как бы чего-то не достает.

Разбираясь в причинах этого, я пришел к заключению, что мне недостает Забайкальской области и ее милых обитателей. Говорю это вполне серьезно и сознательно; я сам не предполагал, что я так буду тосковать по Забайкалью. Скажу даже больше, что я с удовольствием возвратился бы на должность забайкальского губернатора, если бы этого пожелали общественные организации и жители Забайкалья. Если вы признаете, по обсуждению, с кем найдете необходимым, возможным и желательным мое возвращение на должность забайкальского губернатора, то начинайте с божьей помощью действовать, снесаясь со всеми городами Забайкалья и возбудив вопрос перед новым правительством (через Министерство внутренних дел). Я читал в газетах, что несколько губернаторов старого режима оставлены Временным правительством на своих местах по ходатайствам местных общественных организаций.

Меня здесь прочат на должность военного губернатора одной из областей Турции, занятых по праву войны, но я предпочел бы возвратиться в Забайкалье, если, конечно, этого желают общественные организации и жители Забайкалья.

Как же у вас в Чите и Забайкалье обстоят дела после 2 марта? Что нового и что вообще происходит?

Надеюсь, что вы подробно известите меня обо всем.

Молю Бога, чтобы новый порядок везде прошел и утвердился без всяких эксцессов. Надеюсь, что мое милое Забайкалье спокойно и твердо ведет дело по упрочению нового порядка.

Что наше отделение и музей?

Конечно, все идет хорошо, так как Вы неизменно стоите на страже интересов того и другого.

Пока до свидания, дорогой Алексей Кириллович. От всего сердца желаю вам крепкого здоровья и благополучия.

Прошу передать мой искренний привет и наилучшие пожелания всем, всем меня помнящим.

Целую вас в сахарные уста.

Глубоко вас уважающий

А. Кияшко».

На этом письме находится следующая собственноручная резолюция А. К.: «Вот чудак, если я извлекал из него пользу для политических, то он думает, что теперь я могу быть его защитником. Какая наивность».

Что А. К. переходил границы революционной этики – положение бесспорное, но нас интересует вопрос, каким образом эти дружеские отношения с высшей администрацией края совмещались с той упорной работой революционного подпольного крота, каким был А. К. и следы какой работы мы находим в архивных документах на протяжении всей его жизни. Разгадку этого вопроса мы находим, прослеживая биографию А. К.

В начале настоящей статьи мы уже указывали, что период нечаевщины оставил глубокий отпечаток на психике А. К.

В период нечаевщины А. К. прошел хорошую школу заговорщического типа и методы и приемы этой школы А. К. применял в течение дальнейшей своей жизни. В самом деле, быть членом епархиального совета и быть атеистом (в Нерчинске, в свое время, наделала много шума история с гонением А. К.: ввиду его систематического непосещения церкви и отказа идти на исповедь за ним был прислан наряд городских). Быть в глазах губернатора лояльным человеком и в то же время скрывать в помещении музея беглых политссыльных. Получать бриллиантовую булавку от наследника при посещении им музея в Нерчинске и сидеть 1½ года в нерчинской тюрьме по подозрению в организации побегов политических с мест ссылки. (История знает много примеров подобных превращений, хотя бы кн[язя] Кропоткина, блистающего в парадной форме на придворном балу и, через час, в полушубке крестьянина, пробирающегося по темным переулкам фабричного квартала).

Были ли определенные революционные убеждения у А. К.? Пожалуй, что нет: в нем всегда культурник-исследователь затемнял революционера. Его связи с Партией с[оциалистов]-р[еволюционеров], несмотря на то, что он был членом партии, были скорее платоническими. Его убеждения сводились к одному: борьба с самодержавием, мешающим материальному и культурному развитию народа.

Интересно проследить по письмам А. К., каким образом у него оформлялись нечаевские принципы: нравственно все, что способствует развитию предприятия дела.

В условиях Кары, в процессе борьбы за отстаивание детских душ от окружающей их липкой, мерзкой грязи, кристаллизуются эти нечаевские осадки в убеждениях А. К.

Далее, основанные им культурные учреждения Нерчинска – похожие на тепличные растения, всецело, зависящие от температуры во дворцах местных помпадуров уездного масштаба, усугубляют эти нечаевские осадки в убеждениях А. К.: многое позволено ради сохранения культурных учреждений.

В Чите, «гнезде военщины и чиновничества», климатические условия для посаженных им в читинскую песчаную почву культурных растений – Географического общества, музея, сел[ьско]хоз[яйственного] склада, библиотеки и т. д. – еще не благоприятные: теплые, весенние ветры, дующие из Хабаровска во время посадки, – явление временное, и каждую минуту могли подуть леденящие ветры с другой стороны.

Из биографии А. К. мы узнаем, что такой леденящий ветер в 1902 году произвел колоссальное разрушение всех созданных А. К. культурных учреждений (надаровщина).

Приводим подробности этого периода в жизни А. К., ярко иллюстрирующего положение, что судьба культурных учреждений в царской России всецело зависела от поддерживания хороших отношений руководителя этих учреждений с местной властью.

В 1902 году для казачьего отряда, находящегося в Маньчжурии, требовалось значительное количество солонины. Подрядчик Филиппов поставил гнилое, протухшее мясо. Приемочная комиссия, получив от Филиппова солидную взятку в несколько тысяч рублей, признала мясо доброкачественным, и губернатор Мациевский утвердил акт комиссии. Почти весь город знал эту историю, называли точную сумму данной Филипповым комиссии взятки, но... выступать открыто, с протестом, никто из чиновников города не решался. Тогда, возмущенный А. К. посылает окружному интенданту генералу Надарову подробное описание всего этого возмутительного дела с указанием на взятки, полученные приемочной комиссией. Надаров копию письма А. К. препровождает губернатору Мациевскому, последний порывает всякие сношения с А.К. Кузнецовым и, в свою очередь, в письме на имя ген[ерала] Надарова характеризует А. К. как склочника и революционера, ведущего подпольную работу среди молодежи.

Вскоре генерал Надаров, назначенный забайкальским губернатором, отстраняет А. К. от должности директора музея и производит разгром всех культурных учреждений.

Горький опыт этого разрыва для созданных им культурных учреждений заставляет в дальнейшем А. К. ценить эти дружеские отношения с помпадурями.

Но поддерживая эти отношения и сохраняя в их глазах лояльность, А. К. упорно ведет против них подпольную подрывную работу.

Будущий историк должен беспристрастно взвесить на чашках своих весов всю деятельность А. К., положив на одну из них «дружеские» отношения с сильными мира сего и на другую чашку не только проделанную им культурную работу, но и его подпольную работу крота, подрывающую корни самодержавия. И мы убеждены, что первая чашка легко взвоется вверх, тогда как вторая, быстро опустится вниз.

Публикуется по: Жуков Н.Н. Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. Чита: Печатное дело, 1929. С. 5–56.

Комментарии*

¹ См.: Кузнецов Алексей Кириллович: автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России: энциклопедический словарь Гранат. Репринтное изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 126–133.

² Имеется в виду Петровская земледельческая и лесная академия, основанная в 1865 г. в подмосковном имении Петровское-Разумовское (совр. Российский государственный аграрный университет).

³ Иван Александрович Стебут (1833–1923), специалист в области агрономии и растениеводства, профессор Петровской академии.

Николай Николаевич Кауфман (1834–1870), ботаник, специалист в области флористики, доцент, а затем профессор Императорского Московского университета, преподавал в Петровской академии; директор Ботанического сада и хранитель гербария Московского общества испытателей природы.

Николай Иванович Железнов (1816–1877), ботаник и агроном, преподавал в Петровской академии.

Шрейбер, правильно – Рихард Иванович Шредер (1822–1903), ботаник и садовод, преподаватель Петровской академии.

---

* Составлено по: *Энциклопедия Забайкалья*: Читинская область: в 4 т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000–2006. Т. 1–4; *Историческая энциклопедия Сибири*: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. Т. 1–3; *Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М.* Алексей Кириллович Кузнецов и становление музейного дела в Забайкалье // *Страницы нашей истории* / под ред. В.Г. Зеляка. Магадан, 2017.

⁴ На волне общественно-политического движения, известного как народничество, А. Кузнецов вошел в кружок Сергея Нечаева, который покорила его «силой своего революционного убеждения». Преданные своему вожаку, четверо кружковцев-нечаевцев, в их числе и Кузнецов, участвовали в убийстве студента Петровской земледельческой академии И. Иванова, ложно обвиненного в предательстве. К судебному расследованию по «Делу нечаевцев», проходившему в июле 1871 г. было привлечено 77 человек, четверо участников убийства были осуждены на каторжные работы в Восточной Сибири. Нечаев избежал суда и скрылся за границей, однако вскоре был арестован, приговорен к 20 годам каторги, умер в тюрьме.

⁵ По берегам р. Кары, левого притока Шилки, впадающей в Амур, в конце 1830-х гг. была образована Карийская каторга; труд каторжан использовался на приисках и рудниках Нерчинского горного округа.

⁶ Михаил Дмитриевич Бутин (1835–1907), нерчинский купец 1-й гильдии, золотопромышленник, меценат.

⁷ Иван Флегонтович Голдобин (1829 – не ранее 1887), купец 1-й гильдии, золотопромышленник, жертвователю на нужды культуры и просвещения.

⁸ Николай Михайлович Мартьянов (1844–1904), провизор, коллекционер, основатель и руководитель Минусинского городского музея (ныне Минусинский региональный краеведческий музей имени Н.М. Мартьянова).

⁹ Наследник престола, будущий российский император Николай Александрович Романов (1868–1918), во время кругосветного путешествия, совершенно им в 1891 г., проехал из Владивостока в Петербург по Сибири.

¹⁰ Мелетий (в миру Михаил Кузьмич Якимов) (1835–1900), миссионер, епископ Селенгинский, викарий Иркутской епархии.

¹¹ Василий Васильевич Радлов (1837–1918), востоковед-тюрколог, возглавлял Музей антропологии и этнографии Императорского Петербургского академии наук; участник экспедиционных исследований Сибири и Монголии.

¹² Кондуйский, точнее Кондуйский городок – памятник археологии XIV в., расположен недалеко от с. Кондуй (совр. Борзинский район Забайкальского округа). Результаты обследования древнего поселения, проведенного А.К. Кузнецовым в 1889 г., изложены в брошюре; см.: *Кузнецов А.* Развалины Кондуйского городка и его окрестности (Владивосток, 1925).

¹³ Андрей Николаевич Корф (1831–1893), барон, первым возглавлявший Приамурское генерал-губернаторство, образованное в 1884 г. и включавшее Приморскую, Амурскую и Забайкальскую области.

¹⁴ Сергей Михайлович Духовский (1838–1901), генерал, в 1893–1898 гг. возглавлял Приамурское генерал-губернаторство. Он инициировал создание Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, открытие которого состоялось в мае 1894 г.

¹⁵ Николай Васильевич Кириллов (1860–1921), врач, занимался изучением родного края; был секретарем руководящего комитета Забайкальского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества первого состава; участвовал в создании Читинского музея, вносил денежные пожертвования, пополнял музейные фонды своими коллекциями.

¹⁶ Евгений Осипович Мациевский (1845–1910), генерал-майор, военный губернатор Забайкальской области. Участвовал в создании Забайкальского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, в 1894 г. был избран его первым председателем; жертвовал на нужды Читинского музея.

¹⁷ Александр Павлович Герасимов (1869–1942), горный инженер, специалист Забайкальской горной партии, обеспечивавшей проектирование Сибирской железнодорожной магистрали. Впоследствии преподавал в Ленинградском государственном университете, возглавлял Всероссийское минералогическое общество, удостоен звания заслуженного деятеля науки РСФСР.

¹⁸ Георгий Андреевич Стуков (1845–1912), коллекционер, исследователь флоры Забайкалья. После отъезда А.К. Кузнецова из Нерчинска заведовал Нерчинским музеем, действительный член Забайкальского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества.

¹⁹ Карп Дмитриевич Логиновский (1867 – около 1924), учитель, занимался этнографией, изучал фольклор; был в числе первых жертвователей на нужды Читинского музея.

²⁰ Иван Павлович Надаров (1851–1922), генерал, военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска.

²¹ Дмитрий Михайлович Головачев (1866–1914), выпускник юридического факультета Императорского Петербургского университета; занимался исследованием землеустройства и земельных отношений, заведовал переселенческим районом и землеустроительными работами в Забайкальской области. В 1904–1914 гг. – председатель Забайкальского отделения Приамурского отдела Географического общества.

²² Миней Израилевич Губельман, в советское время известный как Емельян Михайлович Ярославский (1878–1943), партийный и государственный деятель, действительный член Академии наук СССР. Уроженец Читы, он учился в местной гимназии, руководил рабочим кружком; вступил в РСДРП, участвовал в революционном движении в центре страны, в 1907–1912 гг. отбывал тюремное заключение, а затем каторжные работы в Горном Зерентуе; в 1913–1917 гг. находился на поселении в Якутии, сотрудничал в качестве хранителя в Якутском музее, который с 1924 г. носит его имя.

²³ Дальневосточная республика (ДВР) – государственное образование, созданное в 1920 г. по инициативе Советского правительства с целью предотвратить оккупацию Дальнего Востока японскими войсками. В 1922 г. ДВР вошла в состав РСФСР.